задачи, требующей специального исследования; она ограничилась отдельными наблюдениями в пределах доступного ей материала, отдельными предположениями и догадками, предоставляя будущим исследователям детальнее разобраться во всем этом сложном комплексе проблем. Начатое ею дело, однако, не нашло продолжателей. Статья А. И. Пономарева,[1] специально посвященная гимнографии Кирилла, ничего нового не внесла, если не считать указания на некоторые списки молитв Кирилла библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Изучение гимнографического наследия Кирилла Туровского, правда, уже давно наталкивается на одно серьезное препятствие: не издан так называемый Ярославский сборник, пергаменный, второй половины XIII в. (библиотеки бывш. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, № 5-5, теперь — Московского Гос. исторического музея).[2] Сборник этот[3] — ценнейший памятник древнерусского письма и языка — содержит в себе, наряду с другими молитвами, восемнадцать молитв Кирилла Туровского. За немногими исключениями, все они сопровождаются в рукописи особыми примечаниями „уставного" характера, проливающими некоторый свет как на происхождение молитв Кирилла, так и на происхождение сборника в целом. В особенности интересно в этом отношении примечание к молитве девятой — „в суботу по вечерни" (лл. 161 об.—162).[4] Изучение этого и остальных примечаний к молитвам Кирилла, а также порядка, в каком они чередуются в сборнике, привело акад. М. Н. Сперанского к убеждению, что в составлении его принимал участие сам Кирилл. М. Н. Сперанский представлял себе дело так: „Видатний в очах сучасників і ближчих нащадків вчений і ораторський авторитет, в той же час надзвичайний трудівник, автор цілої низки «посланий» церковно-канонічного характеру, блискучих проповідей і молитов, Кирил... розпочав розроблення келейного уставу... він доповнив цей устав своїми молитвами і своїми вказівками ни іночеську практику, як вона вважалась йому бажаною. За це говорить і склад нашого рукопису в порівнянню з иншими ж подібними часословами, і ті «уставні» вказівки, що ми в ньому знаходимо слідом за молитвами Кирила. Ці його замітки і доповнення міг занотувати в примірниках Часослова, що йому належав, чи він сам, чи з його слів инші його товариші... Від такого примірника Часослова й веде свое походження наш рукопис, як одна з близьких до нього копій".[5] Соответствует ли гипотеза М. Н. Сперанского действительности, — ответ на этот вопрос может дать только систематическое изучение всего дошедшего до нас рукописного материала, относящегося к молитвам Кирилла.

Все восемнадцать молитв Кирилла, содержащихся в Ярославском

---

[1] А. И. Пономарев. К истории древнерусской церковной письменности и литературы, вып. I. Святитель Кирилл Туровский и его молитвы. Странник, 1880, № 11, стр. 245—261.

[2] О сборнике см.: Е. В. Барсов. Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского. Труды седьмого Археолог. съезда в Ярославле, т. III, М., 1892, стр. 46—51; Труды одиннадцатого Археолог. съезда в Киеве, т. II, М., 1902, стр. 72—73 (протокол доклада А. С. Раевского); М. Н. Сперанський. Ярославський збірник XIII в. Науковий збірник за рік 1924, ДВУ, 1925, стр. 29—36.

[3] По определению акад. М. Н. Сперанского, „це — часослов, келейний, цеб-то збірка іночеських молитов, складена відповідно до келейних правил: молитви, які читає інок поза церковною манастирською службою" (Сперанський, ук. соч., стр. 32).

[4] „А иных не поминай, но по нефимонѣ глаголав молитву за крестьяны. Долъжен бо есть мних за весь мир молитися... Тако коньчав устав сий убогый Кюрил..." (л. 162).

[5] М. Н. Сперанський, ук. соч., стр. 33—34. Ср.: Православный собеседник, 1857, стр. 226.